

Цветы матери

Солнце поднялось высоко, но часы показывают только пять утра. Пароход бороздит гладкую, словно застывшую поверхность разлившейся реки. У причалов дымят пароходы. Десятки древних белокаменных церквей придают Великому Устюгу старей заповедный вид. Я спешу на Кооперативную 13. Во дворе у колодца встречаю Наталью Михайловну Щелкунову. Старушке за шестьдесят, но силёнка ещё есть, иначе не премела бы ведрами. Знакомимся. Спрашиваю, где их квартира: вверх или внизу двухэтажного дома?

— Вверх.

— Тогда, позвольте, ведра с водой я занесу.

— Ой, что вы, что вы, сама... разве это тяжесть?..

Мы поднимаемся по крутой лестнице. Пока Наталья Михайловна замачивает на кухне бельё в корыте, я осматриваю помещение. Две больших смежных комнаты. Множество цветов. В раскрытые окна вливается приятный запах садов. Солнечные лучи, прорываясь сквозь цветные барьеры, расставленные на подоконниках, разбегаются вдоль пёстрых, хорошо простиранных полотников. На стенах и на комодике масса фотоснимков с изображениями награждённых офицеров — это дети Натальи Михайловны и их боевые, фронтовые друзья.

На столах и на полках замечаю прозрачные в лежачем положении бутылки, в них неведомо кем втиснуты макеты кораблей тонкой художественной работы.

Наталья Михайловна идёт из кухни и на мой вопрос отвечает:

— Это мой старик, Иван-чудодей, такие штуки выделывает. Вернётся с охоты, поговорите. Многие видят, как он это делает, но никто не может сделать этого, кроме него!..

С Натальей Михайловной я начинаю разговор о семье Щелкунских, о чувствах матери и о трудном деле — воспитании детей...

Добрая, тихая старушка не очень словоохотлива, но то, что услышал я от неё, достойно внимания.

Давние, дореволюционные годы. Нужда забросила её в Петербург. Жила, убиваясь на работе и влача полуголдное существование. И вот такая песенка:

«Эх, ты бедная, бедная швейка,
Пострадала с двенадцати лет,
Нелегко доставалась копейка —
Много вынесла горя и бед...», —

казалось, составлена про неё, про северянку Наташу, заброшенную в далёкий, полный богатства и бедности Петербург. Потом с годами «На Васильевском малом острове» встретился с нею зёмляк — матрос Иван Щелкунов. Дружба. Замужество, и снова северная деревня, новые заботы и не менее тяжкие дела. А главное — многодетность. Но где же они, эти выросшие дети, где семья Щелкуновых?..

Наталья Михайловна торопливо подходит к комоду и начинает подбирать фотографии своих любимых.

— Вот они где, — говорит она с гордостью, и глаза у неё влажнеют. — Все они вместе и каждый в отдельности живы-здоровы в разных концах России-матушки, и все они в моих чувствах материнских, в сердце моём...

И счастливая и гордая мать садится со мной рядом и дрожащими руками суетливо расклады-

вает фотоснимки у себя на коленях и начинает знакомить по порядку:

— Вот, начнём со старшего — Владимиром звать. Родился он на второй год после японской войны. Как взяли в армию, всё время в морской авиации, тут видите в чине капитана; снимался давненько, теперь он званием повыше. Для меня-то они все одного звания — дети. Все любимы, все дороги. А отец, тот ещё и по званиям различает своих деток. Да, Володя у меня на Дальнем Востоке. Мы вот тут с вами сидим, время в Устюге только седьмой час утра, а там, где Володя, наверно, уже час дня. Он поди-ка, налетался на самолёте и теперь обедает...

Наталья откладывает фотоснимок в сторону, берёт без разбора другой, любуется на молодое лицо самого меньшего и говорит:

— Этот вот на двенадцать лет моложе Володи. Звать — Фридрих Иванович, отец так окрестил в честь Энгельса. (Иван-чудодей у меня коммунист с 18-го года.) Фридрих пошёл на войну добровольцем, а сейчас работает дальше всех: на Курильских островах. Недавно я встретила одного человека с Курильских и всё, всё расспросила, что за острова и что там за жизнь. Чудные места! Там теперь два часа дня, а то и побольше. Воскресенье, значит, у Фридриха выходной. Наверно, с товарищами ходит по берегу возле океана, а рыбы там страсть! Наловит самой лучшей, а варить и костёр разводить не надо. Человек сказывал: там из-под земли горячие ключи бьют, настолько горячие, что набери котелок да брось кусок мяса, — и суп готов. Вот ведь какие на земле есть места! Та, говорят, земля-то потоньше нашей будет...

Наталья Михайловна долго смотрит на миловидного мальчугана — девятнадцатилетнего добровольца, бережно кладёт снимок на стол и берёт следующую фотокарточку.

— Это вот Колька. Ему уже тридцать минуло. Тоже военный, специалист по телефонной части. И в финскую и в эту войну воевал, ранен не однажды, а жизни не лишился. Конечно, награждён. А это вот дочка — военный врач Зинушка, после войны в Иркутске образовалась на житьё и терапевтом по внутренним болезням старается. Хотела было выучиться на хирурга, да я, мягкосердечная, отсоветовала: женское ли дело с ножом в руках вокруг больных возиться?.. Пишет — живёт хорошо. Иркутск ей нравится, а особенно там река Ангара почище нашей Сухоны. На любой глубине дно видно, и как рыба плавает, — всё видно. Омуть там водится, а у нас этой рыбы нет... Вот вы посидите, побеседуйте. Мой Иван должен скоро появиться. Он на охоте и на рыбалке — с пустыми руками не придёт. Тогда что-нибудь жарим, может, и наша сухонская стерлядь не уступит иркутскому омулю. Про Зину сказать больше нечего. Жду от неё вучат. Вот и всё...

Теперь вот эта, смотрите, какая с виду заливчатая, Аннушкой звать. Угадайте, кем она работает? — лукаво спрашивает у меня Наталья Михайловна и, усмехаясь, смотрит испытывающим взглядом, стараясь определить, насколько я внимателен к её разговору и умею ли я разбираться в людях по их внешним признакам.

— Не могу сказать, Наталья Михайловна, не знаю, но вид у девушки боевой.

— Да, она у меня боевая, характером вся в меня: детей очень любит. Своих пока нет, так она, как война кончилась, чужих воспитывает. У неё на плечах целый детский дом. А детей

воспитывать, сами знаете, — дело нелёгкое. Уметь надо. У меня, как видите по фотокарточкам, — целая их куча. Всех вырастила и в люди выпустила. Добрым словом воспитывала, не бранью, не побоями, и учились все без принуждения, у каждого и об учёбе и о деле своя забота и прилежность была. Да разве можно грубить своим детям? Я не понимаю тех матерей, которые коршуньём на малолеток насакаивают. Сама в молодости по чужим людям жила, так знаю, каково было терпеть обиды да подергушки. И поняла я, воспитывая своих детей, что от доброго материнского слова да от заботливого присмотра больше детям проку, чем от прубости. Не нами ещё сказано: нет такого дружка, как родна-матушка. У меня, можно сказать, почти все детки своими семьями обзавелись, однако скажу, что жена для совета, тёща для привета, а нет родней и милей своей матушки... Конечно, все дети для меня равны, а этот вот среди всех самый почётный и важный. Не так давно в отпуск приезжал. Может, и вы про него слышали или где-нибудь читывали: полковник Герой Советского Союза Василий Иванович Щелкунов. Подивитесь, какой орлёночек из нашего гнезда вылетел!..

При этих словах Наталья Михайловна передала мне в руки портрет своего сына-героя. Потом она долго рассказывала о нём. А знала она много и по письмам сына, и по газетным вырезкам, и по рассказам самого Василия, навещившего отца и мать весной этого года.

Приметив, что я быстро и тщательно записываю её слова, Наталья Михайловна предупредила:

— На слово-то я не очень складная, вы моими словами не пишете, а обмозгуйте от себя хорошенько. Сыночек у меня Васильюшко стоящий. Одних орденов давайте посчитаем сколько: Золотая

звезда, два ордена Ленина, два «Красного знамени», один орден «Красной Звезды» да орден югославский за помощь сербам да орден американский: восемнадцать американских лётчиков спас. Медалей разных порядочно. Небось, о моём Васе и в Америке знают?..

— Знают, Наталья Михайловна, конечно знают. Те же восемнадцать американских лётчиков тысячам людей расскажут, как русский полковник их вывез на своём самолёте, спас от позорного немецкого плена.

— Он тогда подполковником был, — поправила меня мать героя.

Из всего сказанного мне счастливой матерью, я уловил и представил себе чётко, ясно её материнское чувство, её любовь к своим детям...

И характерен такой случай:

Дело было осенью 1941 года. Наша бомбардировочная авиация вылетела на Берлин. По радио сообщили, что из десяти бомбардировщиков один не вернулся на нашу базу.

Наталья Михайловна, как только услышала по радио такую весть, горестно вздохнула:

— Не наш ли Вася не вернулся?

С беспокойным чувством провела ту ночь Наталья Михайловна, думая о сыне-лётчике. Она представляла себе множество различных положений, в которых мог оказаться её любимый Вася. То ей думалось, что подбитый самолёт вместе с сыном врезался в пушу берлинских домов; то казалось, что Вася спрыгнул с парашютом, попал к немцам и теперь его пытаются, издеваются...

А на другой день вечером соседи поздравляли их:

— Слышали по радио добавление к вечерним известиям?

— Нет, не слышали.

— А ведь там про вашего сына было сказано, что отставший самолёт, пилотируемый лётчиком майором Щелкуновым, подбитый, с одним мотором благополучно приземлился на своём аэродроме.

Потом об этом случае родители узнали и от самого сына. Он в письме подтвердил известия, переданные по радио.

Наталья Михайловна была изумлена: вышло, что и впрямь сердце — вещун, оно быстрее радио подсказало ей, что на отставшем самолёте был не кто иной, как её сын... Но почему же так? Какая невидимая сила в тот момент потревожила материнское чувство?..

— Это очень просто и нет в этом ничего удивительного и неестественного, — пояснил в ту пору Наталья её муж. — Рассуждая здраво, — ведь если тысячи матерей, имеющих сыновей-лётчиков на фронте, слышали эту радиовесть о пропавшем самолёте и каждая из них подумала: «А не мой ли там сыночек летал?»

Много раз Василий Щелкунов участвовал в налётах на Берлин и на другие немецкие города, был ранен, контужен. Лежал в госпитале. Потом снова с другом своим и земляком — северянином Малыгиным — на своём бомбардировщике набирал высоту, оглашая шумом моторов поднебесье, вёз Гитлеру оглушительные «гостинцы».

В эти далёкие, героические рейсы его всегда незримо провождали великие чувства матери.

